

ся организм... Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне, он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия»¹.

Поляков Сергей Борисович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», адвокат

Преподаватель в утопии рационального юридического образования

Всякие попытки организации рационального юридического образования представляются утопическими в существующих условиях:

— ориентация государства на ручное управление, а не на формально-определенные правила для неоднократного применения;

— кризис законности;

— ограниченность государства в финансировании образования, что, в свою очередь, порождает а) зависимость образовательной системы от оплаты дипломов лицами, не способными освоить стандарт качества образования; б) выдумывание бюрократией, ответственной за образование, для самосохранения критериев и показателей «блеска нищеты» (успехов образования, осуществляемого профессорами с зарплатой заметно ниже квалифицированного рабочего);

— оторванность от юридической практики, лень, тщеславная конкуренция преподавателей².

Образование возводится на фундаменте науки. У юридического образования зыбкий фундамент. Противоречивые мотивы деятельности чиновников от науки и соперничающих между собой ученых практически исключают возможность построения и реализации рациональной модели целеполагания и оценки юридической науки, от которой государству нужны результаты по одобрению его деятельности, а ученым — самоутверждение, но не ясный результат³.

О цели юридического образования существуют разные представления ученых. Запомнилось, как на одном из форумов «Юртехнетики» известный приверженностью к естественному праву профессор В. М. Шафиров посетовал, что наше юридическое образование готовит ремесленников, на что профессор Н. А. Власенко жестко ответил, что мы должны готовить именно ремесленников. Профессора вкладывали разный смысл в слово «ремесленник».

Для первого — ремесло — то, что он считает реализацией позитивного права. Против этого, как писал И. Бентам, «вытекает настоящая анархия идей, потому что в таком случае не было бы никакой общей меры, никакого всеобщего трибунала, к которому можно было бы апеллировать, так как каждый человек имеет такое же право признавать свое чувство мерилom чувств всех людей, как и всякий другой <...> Вы встретите толпу профессоров, юристов, чиновников и философов, которые оглушат вас криками о естественном законе; все они, правда, спорят о каждом пункте своей системы, но это ничего не значит: всякий из них выступает вперед с той же отвагой самоуверенности и предлагает вам свои взгляды, как такое же количество глав естественного

¹ Историк. 2022. № 12 (96). С. 46.

² Подробнее см.: Поляков С. Б. Кризис законности по делам о защите прав сотрудников органов внутренних дел: причины и последствия // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. Москва, 2019. С. 101–111; Поляков С. Б. Взаимообусловленность юридического образования, нормативного и индивидуального правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 3. С. 37–40; Поляков С. Б. Академические свободы: формирование образовательных программ // Российский судья. 2021. № 10. С. 54–59. Поляков С. Б. Изъяны юридического образования как причины правоприменительных ошибок // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 23–33.

³ Подробнее см.: Поляков С. Б. Юридическая наука, практика, политика // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 4. С. 413–420.

закона»¹. При таком подходе цель юридического образования — познание «пунктов систем профессоров» без надежды реализовать их в юридической практике и без усвоения умений и навыков для успешной юридической практики, живущей по позитивному, а не по субъективно-естественному праву.

Цель юридического образования при второй точке зрения — подготовка специалистов для юридической деятельности, состоящей из правотворчества и правоприменения, то есть овладевших юридическим ремеслом, неведомым неюристам. Р. Иеринг писал: «То, что должно каждого профана убедить в его невежестве, разъяснению чего я и посвящаю, поэтому, главное внимание, составляет юридический метод. Юристу, собственно, ничего не должно было бы быть более знакомо, чем этот метод, так как он именно и создает юриста»².

Две (тем более, больше предлагаемых) цели юридического образования, как раздвоение личности, исключают его рациональность.

Но и путь реализации второй цели — это не автобан, а сплошные развилки дорог без указателей перед ними. Индикатором начала рациональности юридического образования была бы реализация применительно к образовательным программам идеи В. М. Баранова об обязательном указании персоналии автора проекта нормативного правового акта³.

Системный подход к формированию знаний, умений и навыков правотворческой работы содержится в концепции В. М. Баранова «Нормрайтер как профессия»⁴. Но не эта система, а эклектика универсальных и общепрофессиональных компетенций превращается академической свободой в образовательные программы и в содержание дисциплин. Причем плохи не эти компетенции, а их эклектика и реализация по разумению тех, кто исходит в их понимании не из представления о том, что должен уметь специалист в юридической работе, а из целей сохранения штата преподавателей и не гневить проверяющих. Контролеры образования, как и проверяемые в виде учебных отделов, видят реализацию компетенций в совпадении названий компетенций и учебных дисциплин, не представляя, что преподается в отведенные им часы. Тем более они не ведают, что должен знать и уметь специалист для правотворческой и правоприменительной деятельности. Например, в программу бакалавриата направления «Судебная экспертиза» юридического факультета Пермского университета деканат включил курс «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов», чтобы «закрыть» компетенцию «Профилактика коррупции и пресечения коррупционных правонарушений», вдохновленный к тому же наличием учебного пособия по такой экспертизе⁵. Довольные совпадением словосочетаний «коррупция» в определении компетенции и в названии дисциплины составители учебной программы удивились тому, что такая экспертиза не является судебной (не назначается судом) и требует для ее проведения не криминалистических, а юридико-технических знаний. Тем более им была неведома неактуальность таких экспертиз⁶, в том числе потому, что так, как следует, эту экспертизу никто не проводит и проводить не будет из-за скоропалительности современного нормотворчества.

Многослойное и анонимное авторство от стандартов образования до содержания учебных дисциплин, якобы для формирования компетенций специалиста нормотворческой и правоприменительной деятельности, рождает известный эффект «лебедь, рак да щука», но не рациональность образования.

Иррациональность юридического образования побуждает и преподавателей не задумываться о конечном «продукте» своей работы, бездушно выполняя формальные требования. Но им следует помнить о личных последствиях на таком примере.

¹ Бентам И. Принципы законодательства // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательства. Руководство по политической экономии. Москва, 1896. С. 11–12.

² Иеринг Р. Юридическая техника. Москва, 2008. С. 16.

³ Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва, 2021. С. 274–275; Баранов В. М., Трофимов В. В. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 9–18.

⁴ Баранов В. М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

⁵ Поляков С. Б. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: технологические основы: учебное пособие. Пермь, 2017.

⁶ Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент // Государство и право. 2022. № 1. С. 110–119.

Известный гроссмейстер В. Корчной про своего первого и долгие годы тренера В. Зака (также первого тренера чемпиона мира Б. Спасского), с которым сохранял отношения тридцать лет, написал в 60 лет: «А я в этом возрасте (тридцать два года. — С. П.) вдруг понял, что не умею играть в шахматы! Хотя как раз в это время выиграл второй раз чемпионат страны. <...> И я стал работать. Исследовал тысячи партий. Научился главному — владеть инициативой! А где был мой шахматный учитель? <...> Спасскому повезло, он в шестнадцать лет пошел на учебу к Толушу, и тот его переучил. Оказалось, что плохой учитель — Зак! <...> Он исковеркал меня как шахматиста»¹. Страшнее таких слов для любого преподавателя в профессии только его зарплата.

Чтобы не услышать от бывших учеников о напрасной трате времени, проведенного в его аудитории, а, наоборот, слова о том, что он научил их понимать и реализовывать право, преподаватель должен, во-первых, сам точно понимать, с какой целью практической юридической работы он излагает каждый свой тезис и дает каждое задание; во-вторых, разъяснять студенту, как и почему ему пригодится в работе по юридической профессии все излагаемое и требуемое.

Практический аспект легко преподнести преподавателям отраслевых юридических наук. Но их изучение без русского языка, логики, теории права, этики можно сравнить с зубрежкой дебютных вариантов без знания основ шахмат. Памяти на все возможные варианты у человека в отличие от компьютера не хватит, и без понимания шахмат на плохой, а потому не включенный в дебютный справочник ход в, казалось бы, выученном варианте опровержения за доской не найти. Тем более в жизни сложнее шахмат набор судебных казусов по отраслевым юридическим дисциплинам, к тому же при нестабильном российском законодательстве не обеспечит успешную юридическую практику.

Проблема в способности преподавателей не отраслевых юридических дисциплин довести до студентов практический аспект теоретических положений. Чтобы теория государства и права была предметом не «сдал — забыл», а постоянной основой для изучения отраслевых дисциплин и, главное, комплектом надежных инструментов достижения цели в каждом юридическом деле после обучения, необходимо практически для каждой темы составлять задания по нормативным правовым актам, судебным решениям, актам официального толкования права, в которых используются понятия теории государства и права².

Язык и логика — основа позитивного права и его реализации³. Чтение закона правоприменителями с точностью до наоборот, а тем более решения с логическими ошибками — то, с чем юристы встречаются постоянно. Почти в каждом деле мне, как адвокату, приходится приводить доводы о логических ошибках оппонентов и суда со ссылками на положения учебников логики. Русский язык, как учебная дисциплина, — редкость в юридических вузах, логика из них постепенно вытесняется. Но если они все же преподаются, то филологами и философами обычно без связи с конкретными делами, в которых для языкового и логического толкования права применительно к обстоятельствам дела необходимо использование излагаемых ими лингвистических и логических правил.

В условиях модного отторжения нормативизма лингвистические и логические правила — ясные критерии спора — уступают место произвольному принципу или принципу симпатии и антипатии, на котором, как писал И. Бентам, зиждется естественное право. Этот принцип «состоит в том, чтобы одобрять или осуждать что-либо на основании непосредственного чувства, не руководясь при суждении никакой другой причиной, кроме самого суждения»⁴.

Так, В. М. Шафиров пишет, что устранить формальное, механическое выполнение юридических процедур и обеспечить человеческое отношение в реализации права (непосредственной и правоприменительной) мешает позитивное (узконормативное) понимание права. «Получается, что охрана, защита прав и интересов личности (содержательный подход) менее важны по сравнению со строгим соблюдением юридических норм, даже если это несправедливо и неразумно»⁵. В итоге слабая надежда на очередное светлое будущее, в прекрасную пору которого нам не пожить: «Не формальная правильность, а конституционность, правозаконность, справедливость, добросовестность, разумность, уважение достоинства человека, равнодушие к его физическому и (или) нравственно-

¹ Корчной В. Л. Антишахматы: Записки злодея. Возвращение невозвращенца. Москва, 1992. С. 16.

² Поляков С. Б. Теория государства и права (практикум). Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011, 2015.

³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993; Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. Москва, 2012; Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

⁴ Бентам И. Указ. соч. С. 10.

⁵ Шафиров В. М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 5.

му страданию должны стать существенными критериями оценки правомерности практической юридической деятельности. За юристами, способными работать в интересах людей на стыке права и этики, будущее»¹. Откуда и каким образом возникнут такие юристы будущего, в статье не сказано.

Между тем именно в нормативном русле уделяется значительное внимание оценочным понятиям (формулировкам) норм права, существенным признаком которых называется правоприменительное усмотрение в оценке фактов и индивидуальных особенностей конкретного случая применительно к этому понятию². «Действительно, правоприменительное усмотрение выступает технико-юридическим средством перехода правовой неопределенности в правовую определенность. В тех случаях, когда законодатель в силу каких-либо обстоятельств не считает необходимым детализировать правовое регулирование с помощью юридических предписаний, он заранее полагается на судебное усмотрение»³. Поэтому особая задача — обучить студентов определять в деле юридические факты, сформулированные оценочными понятиями. «Их особенность заключается в том, что они требуют не только установления, как любые юридические факты, но еще и конкретизации со стороны правоприменительного органа»⁴.

Применение норм права с понятиями морали (справедливость, честь, достоинство и т. д.) требует не заклинаний о нравственности для немотивированного требования о нужном поведенческом решении, а полного выявления и указания перечня нравственных ценностей, конкурирующих в данном деле, и рационального обоснования морального выбора предпочтения одних с наименьшим ущербом для ущемляемых ценностей. Этому следует учить в курсе профессиональной этики юриста на материалах конкретных дел и правоприменительных решений по ним. Тогда понятия морали будут восприниматься как критерии практического юридического действия (ремесла), а не чуждые осваиваемому ремеслу слова.

В журнале «Российская юстиция» опубликована наша статья «Конкретизация оценочных юридических фактов (на примере понятия «добросовестность»)», в которой показано, что обозначаемое одним термином понятие в разных нормах права определяется разными признаками. В статье обосновываются пределы ограничения Верховным Судом Российской Федерации усмотрения правоприменителя при конкретизации оценочных юридических фактов в актах официального толкования права и основы алгоритмов действий правоприменителя по преобразованию оценочных юридических фактов в индивидуально определяемые факты по делу⁵.

Статья опубликована вскоре после отзыва ее нами из провинциального журнала, откуда пришла отрицательная рецензия. Неизвестный нам рецензент написал: «Непонятно, как можно преобразовывать оценочные юридические факты в индивидуально определяемые факты. <...> по логике авторов статьи, они нуждаются в трансформации в индивидуально определяемые факты. Подобная апория представляется изначально порочной, не находящей подтверждения в общей теории права». Притом что наша статья начиналась с цитаты В. Б. Исакова: «Индивидуальное регулирование приводит к тому, что к процессу правового регулирования «подключаются» фактические обстоятельства, которые не определены с достаточной отчетливостью в нормах права. Эту группу фактических обстоятельств можно назвать индивидуально определяемыми (или относительно определенными) фактами»⁶. Далее приведены положения Н. А. Власенко о конкретизации права. То есть рецензент считает, что не существуют в реальности (апория) индивидуально определяемые факты. А цитаты В. Б. Исакова и Н. А. Власенко о них и о конкретизации права не из общей теории права.

Если этот рецензент преподает, то он не способен научить студентов правоприменению, поскольку считает противоречащим общей теории права то, что на стадии доказывания, прежде всего, необходимо указать фактическое обстоятельство дела, соответствующее понятию юридиче-

¹ Шафиров В. М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 8.

² Вильнянский С. И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института имени Л. М. Кагановича. Харьков, 1956. Вып. 7. С. 13; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва, 1972. С. 134; Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 6; и др.

³ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Москва, 2015. С. 99.

⁴ Исаков В. Б. Юридические факты // Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2007. Т. 2. С. 690–691.

⁵ Антонян А. К., Поляков С. Б. Конкретизация оценочных юридических фактов (на примере понятия «добросовестность») // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 27–34.

⁶ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 690–691.

ского факта, предусмотренного законом. Как написано в учебнике С. С. Алексеева «Общая теория права»: «...решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой»¹.

Противопоставление конституционности, справедливости, добросовестности, разумности формальной правильности решения по делу основано на неумении применять нормы права с оценочными понятиями в конкретном деле и нормы права с конкретными понятиями в совокупности с принципами права, то есть на непонимании позитивного права. Точно так же человек, не сумевший научиться хорошо играть в шахматы, скорее заявит, что шахматы — плохая игра. Такое неумение будет транслироваться на студентов, которые, выйдя из стен вуза, смогут только вслед за учителем сетовать на несправедливость позитивного права и ждать светлого будущего, но не бороться за право. Кто-то, может быть, как Корчной, поймет, что его исковеркали в вузе естественно-беспомощным правом и начнет обучаться позитивному праву, по которому только и можно жить в государстве. Но большинство пришедших в правоприменительные органы, искренне не наученные применять нормы права с оценочными понятиями и принципы права, будут плодить решения для новых плачей поборников естественного права. Отказ от права, как формально-определенных правил для неоднократного применения, может привести только к ручному управлению, к беззаконию, но не к правозаконности по разумению профессора естественного права ввиду его явной слабости против государства. Очередное «хотели как лучше, получилось как всегда».

Нами для решения юридических дел определена система правоприменительных операций². Она переведена в алгоритмы программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации «Лазер-ИП-ГПК-2020»³. Программа заставляет пользователя (судью) двигаться по системе правоприменительных операций, установленной законодательством и доктриной, то есть совершить обязательные в своей последовательности действия. Но в ней не используются технологии искусственного интеллекта, о непригодности которого для решения юридических дел В. М. Шафировым высказаны верные суждения⁴. Программа обязывает судью совершить самостоятельные выборы и действия, оценки фактов. Например, в определении юридических фактов и фактических составов для заявленного требования, содержания элементов логической нормы права, прежде всего, на основе языковых и логических правил. Программа требует от пользователя обученности юридическим конструкциям, языковым и логическим правилам. Из комбинаций выборов и действий судьи компьютер моментально выдает выводы — алгоритмы программы, выведенные из анализа судебной практики и доктрины, но не искусственным интеллектом. Программа формирует решение по результатам доказанности каждого из обязательных юридических фактов в фактическом составе для заявленного требования, воспроизводя в нем введенные судьей в поля программы мотивы своих выборов.

В частности, в окне доказывания спорного юридического факта судья должен вначале сделать выбор о его виде: конкретный или оценочный. При втором выборе следуют окна с полями, в которые вносятся индивидуальные обстоятельства дела, образующие оценочный юридический факт, по мнению сторон. Затем суд по результатам оценки их доводов через операцию толкования права формирует перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию их существования («действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой»).

Но эта компьютерная программа и иные ориентированные на юридическую практику методы обучения — частные случаи, не привлекающие внимания ни органов, для которых должны готовиться специалисты, ни системы образования, живущих по своим иррациональным или точнее не по публично-рациональным мотивам⁵.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва, 2008. С. 404.

² Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 469–482. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Зарегистрирована в Реестре программ для ЭВМ 27 июля 2021 года, свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386.

⁴ Шафиров В. М. Указ. соч. С. 6. Подробнее о непригодности технологий искусственного интеллекта для программирования решения юридических дел см.: Поляков С. Б., Гилев И. А. Указ. соч.

⁵ См. Протасов В. Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.